

- Как же ты меня напугал! Ну даёшь.

В ответ - гробовая тишина. Гашиш бережно промокнул платком онемевшие кисти и предплечья Кокаина и пытался спровоцировать диалог, бросая в тишину одинокие реплики. Но Кокаин с остекленевшими глазами оставался безмолвным, полностью отдавшись его заботе.

Для Ябы не существовало зрелища более абсурдного, чем беседы с портретом покойного или подношение вина тому, кто уже не сможет пить. И сейчас он наблюдал именно это действие, бессмысленные церемонии над телом с мёртвой душой.

Яба поднял уголки губ. Гашиш бросил на него раздражённый взгляд. Он не слишком удивился, увидев Ябу, наверное, потому, что певцы рассказали о встрече в клинике. Гашиш снова сосредоточился на Кокаине. Он осторожно вытер платком испачканную щёку Кокаина. И тот, с опозданием, наконец заговорил:

- Прости...

- Ладно. Больше так не делай, - недовольно ворчал Гашиш.

Все вещи в их жилище были парными - от постели до чашек. Гашиш наконец-то добился воссоединения и ничуть не походил на измождённую сиделку. Скорее, он напоминал новобрачного, погружённого в сладостные хлопоты медового месяца. И это - после десяти лет безответной преданности.

Терпеливое ожидание Гашиша и фанатичная вера последователей... Вряд ли Кокаин ценил всё это. Но очевидно он обладал особым даром - в любых жизненных обстоятельствах притягивать к себе самоотверженные души.

Однако Гашиш тратил свои силы впустую. Он надеялся, что однажды Кокаин растрогается и бросится в его объятия, но никакие жертвы Гашиша не удовлетворят запросы его кумира.

Яба, поддавшись внезапному порыву помочь фанатику сохранить остатки молодости, слегка пнул то подобие стула, на котором он устроился. В ответ на провокацию во взгляде Гашиша отразилась полная готовность к убийству.

- Эй!

- Не надо, - растерянно произнёс Кокаин, потянув Гашиша за рукав. Яба вздохнул: всё как раньше.

- Подожди немного, - сказал Гашиш, сдержав раздражение от гостя, - мне нужно закончить уборку.

Завершив свою заботливую возню, Гашиш поднялся, убирая влажные салфетки. Он прошёл мимо Ябы и бросил через плечо:

- Кокаин хотел тебя видеть. А я - нет. Сейчас он ранимый. Если расстроишь его - я тебя прикончу.

Ябе пришлось-таки воспользоваться блокнотом.

[Пока парни мучаются, ты просто цветёшь. Хватит ко всем приставать, займись своими обязанностями. Например, трусы Кокаину постирай]

Ледяная усмешка Ябы поставила точку в их разговоре. Он вдруг понял: Гашиш, похоже, надеялся на вечную глухоту Кокаина. Искажённое яростью лицо Гашиша побагровело. С проклятием он выбежал из комнаты.

Помещение поглотила внезапная тишина. Пока Кокаин изучал узоры на простыне, Яба стоял в нерешительности. Ноющие ноги вынудили его отодвинуть стул и сесть. Возникла нелепая ситуация: оба, стесняясь смотреть друг на друга, усталились на дверь.

Кажется, Яба понял, почему Кокаин не пришёл к нему сам. Каждый шаг давался тому с видимым усилием. Волосы запущены, кожа, некогда сияющая здоровьем, поблекла и иссушилась.

И всё же, как ни парадоксально, даже в этом увядшем образе сквозила хрупкая утончённость, цепляющая взгляд. Яба ожидал отвратительного зрелища и был раздосадован не на шутку оттого, что даже теперь Кокаин не потерял привлекательности.

«Хвала небесам, что Ча И Сока здесь нет».

Наконец-то он поднял на Ябу глаза. Не спешил заговорить. Он поморщился и, засунув палец в ухо, слегка тряхнул головой, словно пытаясь избавиться от попавшей внутрь воды.

- Я не слышу, и от этого всё ощущается иначе. Не знаю... говорю ли я членораздельно...

Яба бесстрастно наблюдал за ним. Звонкий и прекрасный голос сохранился, но звучал неровно. Бессмысленно тренировать то, что нельзя проверить. Каким бы фантастическим ни был тембр, без возможности слышать и контролировать высоту и ритм собственного голоса, правильно петь невозможно. И каким бы крутым ни был Кокаин, когда он подпевал, надев наушники, слух не выдерживал и просил пощады.

Один хранил молчание, другой жил в тишине.

«Вот так встреча...»

- Как ты?

Слова, рождённые в муках нерешительности, оказались слишком пресными для такого воссоединения. Но за простым вопросом таилось куда большее. Яба подсунул ему блокнот с записью:

[Зачем я здесь?]

Кокаин с окаменевшим лицом ещё какое-то время смотрел на блокнот. Потом медленно поднял глаза.

- Морфин говорил, что ты гриппом заразился. Ещё болеешь?

Яба коротко кивнул. Тот снова замолчал, а затем с трудом выдавил из себя следующие слова:

- Насчет Се Джун... Ты с ним не общался? Он всё время лежал в моей палате, а потом вдруг исчез. Медсёстры говорят, что его перевели в другую больницу, но отказались говорить, кто. Я подумал, может, это ты его забрал.

Вопрос застал Ябу врасплох. Он не сомневался, что его брат первым делом выйдет на связь с Кокаином. Человек, готовый ради Кокаина пойти даже в ад, пропал не сказав ни слова... В это верилось с трудом. «Наверное, жив ещё, раз труп не нашли », - подумал Яба.

В те дни сам он беспробудно спал в больнице. Ненависть и жалость к Чжан Се Чжуну - тяжесть, которую Ябе предстоит носить в своём сердце, независимо от того, жив его мучитель или мёртв. С этим вечным противоречием можно было смириться - главное, чтобы тот не возвращался.

- Брат Се Джун исчез, а за его домом и вещами некому присматривать... Пока он не вернётся. Я подумал, может быть ты?..

Враньё. В каждом слове Кокаина сквозила намеренная уклончивость, будто он боялся назвать истинную причину. Яба постучал стилусом по экрану демонстрируя его Кокаину:

[Настоящая причина?]

Невыносимая пауза затягивалась. Когда терпение Ябы иссякло, он резко поднялся. Едва он повернулся к выходу, как Кокаин схватил его за одежду. Он на мгновение крепко зажмурился, словно собираясь с духом, а затем выпалил, переступив через сомнения:

- Все говорят, что мой голос в порядке, но какой в этом смысл, если я не могу проверить это сам? Мне кажется, меня обманывают. Мой голос слышно? Ты всегда говоришь правду в лицо. Скажи мне!

В голове промелькнула злобная мысль. Если сказать Кокаину, что его голоса не слышно, что всё это – общий сговор, то он тут же выбросится из окна. Яба какое-то время крутил стилусом, играя на нервах Кокаина, и потом решил пойти на компромисс: и Кокаин останется доволен, но и себя Яба не обидит.

[Голос-то есть, но качество – не для слабонервных.]

Кокаин пошатнулся. Но вскоре в его глазах вспыхнула решимость.

- Это ничего... Это уже хорошо...- Кокаин взял Ябу за руку, поймав его взгляд, – может... ты исцелишь меня и вернёшь мне слух?

Так вот почему он искал встречи. Его пальцы впились в запястье Ябы.

- Я долго ломал голову и пришёл к выводу – другого способа нет. Дай мне исцелить тебя первым, а когда твой голос вернётся, ты поможешь мне.

Он старался держаться легко, но под завесой вымученной непринуждённости дрожала мольба.

.- Как думаешь?..

Впервые в жизни Яба увидел это. Кокаин был раздавлен и его униженная красота пробуждала желание добить, размазать, втоптать.

- Ты ведь.. спас господина Ча И Сока. Не мог бы ты... вылечить и меня? Прошу...

Яба оттолкнул руку Кокаина и стал выводить в блокноте букву за буквой:

[Увы, мой голос пропал не из-за простуды, а после инцидента в Нангоктоне. Я никогда не смогу петь]

Прочитав написанное, Кокаин побледнел:

- Не сможешь петь?.. По... почему?

[Кто ж знает? Тебе не сказали, отчего ты оглох и как лечиться. Я в том же положении. Нет смысла что-то менять]

Губы Кокаина подрагивали, пытаюсь поймать ускользающие слова.

- Как... Но... это невозможно.

[Именно. Как и наша с тобой беседа]

Яба снова оттолкнул руку Кокаина и повернулся к двери. Но тот вскочил с кровати и преградил путь.

- Тогда... зачем ты пришёл?

Идиотский вопрос - ведь он сам устроил похищение Ябы.

[Чтобы посмотреть, во что ты превратился]

Но зрелище не оправдало ожиданий.

[Насмотрелся. Глаза болят.]

Кокаина била дрожь, но он не мог совладать с телом, абсолютная паника обезобразила его лицо.

- Надеюсь, тебе полегчало. Признайся, ты ведь тоже хотел вернуть голос. Я стал таким из-за тебя, и ты обязан это исправить!

Кокаин, похоже, и сам запутался в том, что говорит.

[Ну и бред. Ты оглох, потому что убивал людей, вместо того, чтобы лечить. Вот и получил по заслугам. У тебя отняли силу, что несёт смерть]

- Убивал?.. Кого я убивал?..

Смятение, отразившееся в глазах Кокаина, заставило его сгорбиться и устаться в пол. Потом он медленно поднял взгляд:

- Ты... о той ночи?..

Кокаин, покачивая головой, пробормотал что-то. Затем схватил Ябу за плечи.

- Да, я убил тех людей, - сообразил Кокаин, - и готов искупить свою вину. Поэтому давай, сначала я тебя подлечу, а потом - ты меня?

Пока тот, в чьей руке была его участь, сохранял ледяное спокойствие, Кокаин начал терять самообладание. Его угнетала и сковывала невозможность слышать собственный голос. А раз уж он хоть как-то способен петь, то чего поет? Что и говорить, в умении вывернуть чужую душу наизнанку он не знал себе равных. Похоже он отчаянно нуждался в Ябе, но тот не видел никаких причин возвращать себе голос.

Яба грубо схватил Кокаина и заставил уткнуться носом в электронный блокнот.

[Без шуток. Я не намерен возвращать свой голос ценой чьей-то жизни и проверять действует ли проклятие Сирен. Тебе тоже не советую]

- Включи логику! Твой голос никому не навредит. Разве не достаточно жестокости проявил бог, наделив нас этой проклятой силой? Мы заслужили право на нормальную жизнь! Без условий!

Ничего не осталось от прежнего, рассудительного Кокаина. Перед Ябой стоял человек с глазами, полными той же жалости к себе, что и у всех вечных страдальцев. Едко усмехнувшись, Яба стёр написанное и вывел новые слова.

[Я считал тебя хитрым, а оказалось ты глуп. Тобой пользовались столько лет, а ты ещё мечтаешь петь? Думаешь, не найдётся другого Кана Ги Ха? Сейчас тебе куда безопаснее.]

- Как ты можешь жить без пения?!

Его пронзительный крик потряс стены. Губы Кокаина дрожали, выдавая его отчаяние.

- Я не могу дышать.

Кокаин, всё ещё сжимая в пальцах рукав Ябы, рухнул на пол. Из его стиснутых губ вырвался сухой сдавленный звук. Низвергнутый на самое дно, он пал на колени перед немым мучеником, умоляя о пощаде.

- Пожалуйста...

Выступающие позвонки на склонённой шее вызывали жалость.

- Я умру, если не буду петь...

Тело Кокаино тряслось. Казалось, только отчаянная надежда поддерживала его жизнь. Эта дрожь передалась и Ябе. Пение для Кокаина было смыслом жизни. Не слышать собственного голоса, для него означало – дышать, пребывая в коме, обладать богатствами, и не радоваться. Казалось бы, сейчас самое время посмеяться над поверженным божеством, но желания издеваться не возникало.

Яба прикусил губу. Из груди уже поднималась и рвалась наружу горечь, которую не удавалось подавить ни молчанием, ни временем. Он уже не помнил свой собственный голос. Кокаин, скорее всего, чувствовал то же самое.

Необъяснимо: пение стало для Ябы проклятьем, так почему же он так остро понимает потерю Кокаина. Потребность петь, что бьётся в ритме сердца на самом дне души, приходилось душить в себе, сглатывать и подавлять, даже если рёбра трещат от напряжения.

Сирены влекли Кокаина за собой. И он был не первым...

Пальцы Кокаина впились в плечи Ябы, словно когти. Его взгляд высекал искры, последние мосты к здравому смыслу занялись пламенем.

- Проклятие сирен, говоришь? Тогда проверим!..

Не дожидаясь реакции, Кокаин запел. Кровь с усиленной скоростью побежала по сосудам, будто покидая тело. Яба сделал рывок, чтобы высвободиться, — и вот он уже на полу, а колено Кокаина давит на его живот. Над ним застыло восковое лицо, сплав мировой скорби и гнева. Лишь спустя мгновение донеслась знакомая мелодия, «Аве Мария».

«А-а-а-а... ве-е-е.. Мари-и-я-а-а-а...»

Это был тот самый голос, что когда-то пленил Ябу с первого звука. Но сейчас он фальшивил и разваливался, превращая «Аве Марию» в безобразную какофонию.

Их напряжённые взгляды сошлись. Яба вдруг осознал: его руки и ноги не скованы. У Кокаина совсем не было сил. Хотел бы Яба иметь на своём теле выключатель сердца. И когда Сирена придёт за душой Ча И Сока, то Яба мог бы одним щелчком всё прекратить.

Хлоп!

Звук пощёчины разорвал песню Кокаина на нестройные отголоски. Он сам повалился на пол. Связки Ябы напряглись в попытке издать звук. К счастью, этого не произошло, но когти Сирены зашевелились и от нахлынувшей боли тело бросило в жар.

Кокаин беспомощно лежал на полу, его веки медленно поднимались и опускались, как жабры умирающей рыбы.

Яба понимал... Кокаин питал к Ча И Соку искренние чувства. Чтобы его заполучить, он продал того, с кем жил долгие годы, манипулировал душевнобольным фанатиком, пользовался своими способностями в низких целях. Все его поступки были продиктованы любовью.

Тогда выходит, Яба и Кокаин... Ту уродливую, колючую связь, что рождалась в борьбе и взаимном уничтожении и не могла существовать без яда, ловушек и лицемерия – можно назвать дружбой?

«А хотел ли Кокаин стать богом?»

Яба оставил последние слова на холодном экране.

[Покажешься передо мной снова – и ты не жилец. Без метафор.]

* * *

Оставив Ябу у апартаментов, Ча И Сок поспешил в банкетный зал одного из отелей. Сегодня проходила ежемесячная встреча клана Тэ Рён. Он усмехнулся окинув взглядом роскошный зал и скопище элегантных господ.

Членов этой системы связывали порочные узы, скреплённые личной выгодой, шантажом и соучастием. Несмотря на то, что некоторые звенья ломались и превращались в отбросы, картель оставался нерушимым.

Они ревностно ловили каждую волну, чутко следя за настроением высшего хищника, восседающего на вершине. Удастся ли, поймав попутный ветер, благополучно добраться до суши или же кого-то отбросит назад, на съедение акулам-людоедам. Итоги подводились на берегу, когда видно, кому удалось выжить, а кому – нет. Когда приспешники поднимали мятеж, безупречные планы проваливались один за другим. Но это не было хаосом. Это было всего лишь перегруппировкой сил перед новым витком игры, где каждое разрушение открывало путь для иного порядка.

В мутных глубинах зрели новые интриги, и именно двуличие делало эту игру столь увлекательной.

Люди толпились в центре зала. Прокуратура вела расследование сразу по нескольким фронтам: растраты в головном офисе «Тэ Рён» и её дочерних компаниях, деятельность главы этого конгломерата и связи его семьи, а также биржевые махинации. Однако если выяснится, что председатель Ча не просто знал о растратах, а активно в них участвовал, это коренным образом изменит ход судебного процесса. Члены закрытого клуба под названием «Тэ Рён», с жаром делились историями о недавних действиях прокуратуры, превращая их в захватывающие байки.

- Отлично выглядите, господин Ча! Как хорошо, что неприятности с прокуратурой не мешают вам вести светскую жизнь!

- Когда доброжелатели проявляют такое участие, любые трудности отступают.

Ча Мён Хван отвечал на показные приветствия директоров. Несмотря на ремиссию, болезнь могла напомнить о себе в любой момент, поэтому он привёз на встречу и лечащего врача. Мён Хван, держа подбородок высоко, отчаянно пытался скрыть панику, но на его актёрскую игру было больно смотреть. Он неукоснительно следовал принципу председателя: даже падая с трона, не позволяй короне скатиться с головы. Разумеется, тот факт, что жена Ча Мён Хвана скупала акции, замалчивался.

Члены совета директоров с готовностью поддерживали смещение Ча Мён Хвана. Старшее поколение руководителей всегда смотрело на Ча Мён Хвана свысока. Сын от любовницы, чьи проекты проваливались в восьми случаях из десяти, и неспособный без указки отца даже заказать себе ланч, был олицетворением некомпетентности.

Председатель Ча излагал присутствующим своё видение будущего «Тэ Рён». И если раньше он отчаянно пытался скрыть онкологический диагноз сына, то теперь, в трудной ситуации, спекулировал им, чтобы растрогать родственников.

Мать Ча И Сока занимала место рядом с мужем. Она держалась как королева, и её взгляд на Мён Хвана оставался ледяным – таким же как в тот день, когда он впервые вошёл в их дом, держась за руку председателя. Прежнее желание растерзать его сменилось безучастным спокойствием. Все опасались, что без исцеления Кокаина её состояние ухудшится. Однако, вопреки ожиданиям, новость о вызове Ча Мён Хвана в прокуратуру придала ей сил.

Гонконгские инвесторы, не имевшие доступа к собранию «Тэ Рён», активно работали за кулисами. В их задачи входило, влиять на общественное мнение и дробить голосование в ходе выборов нового президента компании. Они распространяли ложные слухи и настойчиво призывали акционеров избавиться от коррумпированных руководителей, засевших в офисах «Тэ Рён».

Общественное мнение продолжало падать, и голоса тех, кто жаждал краха прогнившей компании, звучали всё громче. И всё это – несмотря на ежегодные попытки Ча Мён Хвана улучшить свой имидж, вплоть до развоза угольных брикетов в костюме Санта-Клауса. Председатель Ча, представляя нового кандидата на должность главы членам совета директоров, всецело увлёкся привлечением сторонников. Джу Ён Хван, ещё не женатый мужчина 36 лет, обладал подтянутой фигурой и выразительными густыми бровями.

- Мы тут слышаны о тебе. Говорят, Стэнфорд окончил? Моя дочка сейчас там учится. Какая у тебя специальность?

Члены совета директоров проявляли к Джу Ён Хвану живой интерес. Ознакомившись с его резюме, они явно благосклонно отнеслись к этому козырю, припасённому председателем на

самый крайний случай.

- Если «Тэ Рён» достанется иностранцам, это станет национальным унижением для Кореи, - сказал Джу Ён Хван. - Но несмотря ни на что, против атаки гонконгского фонда мы будем действовать строго в правовом поле. В отличие от тех, кто гонится за быстрой выгодой, мы думаем о международной репутации «Тэ Рён» и её инвестиционной привлекательности в будущем. Нельзя дать иностранцам опустошить наш фондовый рынок. Наши предки даже срезали санту* ради единства нации. Если падёт «Тэ Рён», это сильно ударит по экономике Кореи.

*П.п.: Санту́ - пучок волос, который взрослые мужчины в Корее эпохи Чосон заплетали и укладывали на макушке, символ конфуцианской идентичности, социального статуса и мужской чести. В 1895 году вышел указ об их насильственной отмене. В данной сцене Джу Ён Хван переворачивает настоящий смысл события с ног на голову, манипулируя сознанием слушателей: на самом деле люди видели в срезании санту навязанное Западом отречение от своих корней. А Джу Ён Хван выставляет это, как патриотический порыв во имя единства.

Джу Ён Хван выглядел самоуверенно, не ведая, что стал всего лишь пешкой в закулисной игре председателя Ча. Тот с нескрываемой скукой слушал выступление своего протеже. Устремив взгляд на Ча И Сока, он внимательно изучил его лицо и мрачно произнёс:

- Теперь я понимаю, откуда на лице Мён Хвана такая цветовая гамма.

Ча И Сок ограничился коротким кивком, затем задержал проходящего официанта и взял бокал. Лим общался в другом кругу. Ещё недавно он не отлипал от председателя Ча, а теперь, похоже, держался от старика на расстоянии. Он сжал челюсти и отвернулся, избегая зрительного контакта.

Глаза - это архив. За внешним безразличием председателя Ча скрывалась зоркость, с которой он безошибочно считывал суть происходящего вокруг. Ча Мён Хван был типичным примером близорукого человека, его мышление не простиралось дальше происходящего прямо перед ним, и он реагировал лишь на сиюминутную обратную связь. Председатель Лим поддерживал оживлённую беседу, но его взгляд беспокойно блуждал по залу. Доброжелательность директора Хана была стальным щитом, которым он защищал свои истинные мысли. А жена Ча Мён Хвана, разговаривая с гостями, то и дело поглядывала на деверя. Она постоянно пыталась выйти с ним на контакт, но Ча И Сок упорно избегал её.

- Когда ты приехал?

Кто-то хлопнул его по плечу. Как-раз по тому, которое особенно пострадало от клюшки председателя. Ча И Сок неосознанно простонал.

- Извини, ты выглядел так расслабленно, что я забыл о твоей травме.

Небрежно извинившись, Хан Сон Джэ тут же сосредоточился на главном – Ча Мён Хване, которого тесным кольцом обступила родня.

- Ну и видок у тебя, братец! Лицо такое будто бежать отсюда охота, а ты ещё и улыбаешься... Дядя приказал?

Потом Хан Сон Джэ замолчал, словно что-то вспомнив, и снова заговорил:

- Н-да, похоже придётся держать за штанину Лима. Кстати, отец сказал, что встанет на твою сторону, если я женюсь на наследнице «Американ Констракшен», младшенькой. На этой страшной карлице. Скверный характер прилагается! Не невеста, а мечта! А видеть это лицо каждый день за завтраком, да у меня кусок в горло не полезет.

Сон Джэ поёжился. Ча И Сок сделал глоток виски, позволяя напитку медленно растечься по языку.

- А это неплохая идея.

- Что именно?

- Встречаться с наследницей «Американ Констракшен» за завтраком.

Хан Сон Джэ ухмыльнулся.

- Ну и шутки. Похоже, твоё остроумие ушло в минус.

- Какие уж тут шутки, – серьёзно сказал Ча И Сок.

Его глаза загорелись, словно он нашёл гениальное решение.

- Если мы объединимся с «Американ Констракшен», то получим не только долю директора Хана, но и доступ к активам самой «Американ Констракшен». Это уникальный шанс.

- Эй, да ты чего...

Улыбка мгновенно исчезла с лица Сон Джэ, уступив место такому шоку, какого его лицо не знало никогда. Он нервно откинул волосы и придвинулся вплотную.

- Я уверен, ты шутишь. Ради сбора контрольного пакета ты готов продать лучшего друга?

- Все равно тебе придётся жениться рано или поздно. И потом, жена и возлюбленная - не обязательно одна и та же женщина. Не о чем переживать.

Пригубив шампанское, Ча И Сок хлопнул кузена по плечу:

-Ты же знаешь- я не откажу. Если присмотришь себе на свадьбу что-то особенное - только скажи, на тебя я не поскоплюсь.

Ча И Сок вернул официанту пустой стакан из-под виски и направился к выходу. Хан Сон Джэ в недоумении несколько раз фыркнул.

- Ты вообще в себе? Твой юмор всё чернее, - пробормотал он себе под нос, глядя вслед Ча И Соку, покидавшему банкетный зал.

Ча И Сок взял новый стакан виски у, спящего между гостями, официанта.

- Можно льда?

- Конечно.

Ча И Сок потёр онемевшую шею. Когда он поднял руку, швы на животе болезненно натянулись. Он поморщился от пресного вкуса виски. Прямо у входа в банкетный зал возвышалась ледяная скульптура Давида, почти в натуральную величину. Ча И Сок медленно его обошёл, внимательно изучая грациозные изгибы - от лодыжек до плеч. Погружённый в глубокие раздумья, он постукивал по своему подбородку ножом для колки льда. Приняв решение, одним точным ударом он вонзил нож в ледяные гениталии. Отсечённый фаллос упал в бокал, аккуратно булькнув. Давид, оставшийся лишь с яичками, выглядел униженным.

Он повращал бокал, наблюдая как половой орган Давида мерно болтается в коричневом напитке. Наблюдавшие этот акт, старейшины клана Тэ Рён застыли в немом изумлении, и их физиономии стали почти неотличимы от бесстрастного лица Давида. Ча И Сок приветливо им улыбнулся и отпил виски.

Он отметил на светском рауте, как того требовали приличия, но мыслями был в другом месте. Знал бы, что не сможет сосредоточиться, лучше валялся бы сейчас с Ябой на диване. Тот после встречи с Лим Джин Хи, отчаянно пытался скрыть разочарование. Это было совершенно очевидно, но Ча И Сок делал вид, что ничего не замечает. И впредь он будет притворяться слепым к надеждам Ябы. Оставшуюся работу можно поручить Сон Джэ, а сам он пойдёт залечивать разбитое сердце кошечки.

Приближаясь к выходу Ча И Сок вдруг почувствовал на себе жгучий взгляд. Обернувшись, он мгновенно нашёл его источник в гуще оживлённо болтающих гостей. На него смотрел Ча Мён Хван. Он извинился перед собеседниками и покинул их.

- Уходишь первым, когда старшие ещё здесь. Где же твои манеры? Отец уже язык сточил, пытаюсь до тебя достучаться, а тебе хоть бы что. – Мён Хван цокнул языком, поигрывая бокалом вина в руке.

Ча И Сок усмехнулся:

- Простите, до ваших манер мне далеко. Хотя и неловко уходить, но когда кошечка зовёт – какие уж тут правила?

Лицо Ча Мён Хвана побагровело. Сквозь стиснутые зубы он прошипел:

- А ты знаешь, что жулик предложил мне развестись с Ён Джу?

Ча И Сок стиснул зубы, улыбка слетела с его губ, чтобы расцвести на лице Мён Хвана.

- Интересно, почему он так этого хочет. Каков плут, а? С невинным лицом требует моего развода, что мне остаётся? В тот день он засунул руку себе между ног и соблазнял при всех. Меня прямо в жар бросило.

- Брат, похоже, ты перебрал. Сам доползёшь до кровати?

Губы Ча И Сока сказали совсем не то, что он хотел. В голосе сквозила неприкрытая жажда расправы.

- Понимаю, тебе лучше об этом не думать. – произнёс Мён Хван. – Но если не веришь, спроси у жулика сам. Он ведь говорит правду в лицо, и это настоящая проблема. Что это, ты без бокала в такой вечер? Непорядок.

Ча И Сок сжал бокал. Внезапная молния ярости пронзила всё его существо. Напряжение в воздухе достигло предела, ещё немного и рука метнула бы стакан в лицо Мён Хвана. Потому что Ча Мён Хван не врал. Ча И Сок взял предложенный бокал, поднёс к губам... И впился зубами в тонкий хрустальный край. Послышался треск. Осколки остались во рту директора Ча.

Увидев окровавленные зубы Ча И Сока, Мён Хван побледнел и отшатнулся. Тот пережевывая осколки, которые кромсали его губы и язык, сделал шаг, восстановив прежнюю дистанцию между ними. Ча И Сок почти сладостратно посмаковал горько-солёный вкус крови, прежде чем протянуть Мён Хвану изящную ножку бокала.

- Спасибо. У вина восхитительный аромат.

На висках Мён Хвана выступил холодный пот. Ча И Сок наклонился и прошептал ошеломлённому брату на ухо:

- Правду ты говоришь или нет, я узнаю. Мы с кошкой это обсудим. В постели, разумеется.

Но вернуть себе улыбку он не смог.

Двери лифта на парковке отеля плавно раздвинулись. Ча И Сок собрал языком оставшиеся осколки хрустала во рту и сплёвывал до тех пор, пока не почувствовал, что внутри ничего не осталось. Изрезанный рот не будет помехой для поцелуев, лишь приправит его остротой. Его сознание всё ещё пылало от слов Ча Мён Хвана и желания воздать ему по заслугам. Он повернул за бетонный угол парковки...

Перед его машиной знакомая женщина переминалась с ноги на ногу. Жена Ча Мён Хвана, завидев деверя, замерла. Именно она сыграла решающую роль в том, что на Мён Хвана повесили манипуляции с акциями.

Открывшаяся афера с их покупкой повлекла за собой демонстративное пренебрежение как со стороны мужа, так и свекра.

Со статусом разведённого Ча Мён Хван будет терзаться лишь тем, что не каждая красотка жаждет занять «почётное» место его супруги. Тогда как женщины после развода теряют свою ценность и превращаются в дешёвый товар.

Ча И Сок направился к машине.

- Молодой господин, погоди минутку.

Она вдруг затаила дыхание.

- Что с твоими губами... Как ты поранился? - сказала она и потянулась к его лицу.

Но не успела коснуться - Ча И Сок повернул голову и уклонился.

- Ты сердишься на меня, молодой господин? Если я тебя чем-то обидела, скажи. Почему... не отвечаешь на звонки, и избегаешь меня на встречах?

От неё разило алкоголем, а язык заплетался. Казалось, её волновало не столько будущее мужа, сколько расположение её деверя.

- Ну что ты, сестра. С чего бы мне тебя избегать? Столько дел накопилось, голова кругом идёт. Иди отдыхать, у тебя щеки покраснелись.

Она схватила его за пиджак.

- Я не думала, что всё так обернётся. Когда он начинает расспрашивать, я не знаю как оправдываться. Сколько я ещё выдержу? Ты мог бы объяснить мне с самого начала.

- Не понимаю, о чём речь.

- Что?..

- Что я должен объяснить жене моего брата?

От равнодушного ответа Ён Джу побледнела.

- Ну... это ведь ты сказал покупать акции.

Даже будучи в нетрезвом состоянии она, опасаясь что их услышат, понизила голос.

- Я лишь последовала твоему совету и купила акции «Тэ Рён». Ты сказал, что обо всём остальном позаботишься сам.

Ча И Сок поднял бровь с невозмутимым выражением, а её глаза кричали отчаянием.

- Почему, молодой господин, ты так поступил? Я выполнила то, что ты хотел.

- Это мне интересно, почему невестка так поступает. Почему предъявляет мне претензии?

В её широко распахнутых глазах застыли слёзы. Видимо, алкоголь придал её смелости. Её нижняя губа задрожала.

- Теперь я поняла. Это был план, да? Поэтому ты избегал меня. Если ты и дальше будешь притворяться, я расскажу... что ты заставил меня. Если отец узнает, тебе придётся нелегко, понимаешь?

Женщина дрожала так сильно, что её покачивало от собственного дыхания.

- А доказательства есть? - искоса посмотрел Ча И Сок.

Некогда невинные глаза невестки вспыхнули злобой.

- Я сама - доказательство. Отец знает, что я никогда не вру. Если я расскажу обо всём ему и руководству, у тебя ведь будут проблемы... Не толкай меня на это.

Она совершенно не умела угрожать. Разве может испугать угроза, произнесённая с таким умоляющим видом.

Ча И Сок ответил с холодной улыбкой.

- Ну так ступай и поведай всем. Как продала мужа, потому что запала на его брата. Это я готов подтвердить.

Ча И Сок прошёл мимо невестки и открыл дверь машины. Та бросилась следом, припала к нему, обхватив за талию, и разрыдалась. Такого она никогда себе не позволила бы, будь её разум ясен.

- Прошу, не надо так! Я сделаю для тебя всё, что скажешь, молодой господин, готова стать посмешищем для всех, но твоё пренебрежение не переживу...

Она - без глаз, без ушей, без малейшего инстинкта самосохранения - глупое травоядное, что даже не заметило как на шее сомкнулись челюсти хищника.

Ча И Сок обнял её за плечи и оторвал от себя.

От запаха алкоголя и духов, которыми пропахла одежда, к горлу подкатила тошнота. Ча И Сок уставился на неё тяжёлым взглядом.

- И как мне всё это воспринимать, как угрозы или как признание?

Её всхлипывания были хрупки и чисты, точно дрожащие капли росы на шёлковой нити.

- Ты ведь сказала, что сделаешь что-угодно?

По её лицу безудержно катились слёзы. Неужели всё решает один случайный миг?.. Если бы он вышел из зала секундой раньше, если бы не увидел Мён Хвана, не услышал, как тот упоминает Ябу, всё пошло бы совсем иначе. Он утешил бы эту несчастную женщину и отпустил бы с миром. За её спиной выезжал красный автомобиль. Ча И Сок опустил глаза и пробубнил нараспев.

- Видишь машину? Бросайся под колёса, тогда понравишься мне. Но, я к тебе, конечно, не притронусь.

Невестка сильно опьянела. Лицо отчаявшейся женщины застыло. Дорожки слёз, испортившие макияж, напоминали трещины сломанной маски. Свет фар скользнул по сетчатке глаз и его ослепило. Послышались рыдания женщины.

- Молодой господин... Я люблю тебя...

Когда зрение прояснилось, он увидел в её руке сверкающий нож для колки льда.

* * *

Яба бросился бежать, как одержимый. Возвращаясь домой из гостей, он получил дурную весть. Позвонил некто Хан Сон Джэ. После разговора с ним, Яба не помнил, что делал и где был. Такси, двери, лифт - всё мелькало, как в кошмаре. Ноги подкашивались, будто сам земной шар пытался его остановить.

Он мчался по коридору скорой помощи, задыхаясь от ужаса. За окнами пылал кровавый закат. Звуки шагов отражались эхом и дробились об этот мир, как те самые вопли из страшных снов. Холодный воздух пробирал насквозь. Это ледяной вестник толкал его в спину под хохот Сирен. В голове бесконечно крутилась сцена, произошедшая в доме у евнухов.

Яба распахнул дверь в отделении скорой помощи. Перед его глазами предстал Сон Джэ, он взглядом указал на больничную койку. На краю, слегка ссутулившись, сидел Ча И Сок. Вид его забинтованной руки отразился болью в сердце Ябы. Он не мог заставить себя сдвинуться с места. Воздух был настолько тяжел, что сжавшиеся лёгкие с трудом его пропускали.

Ча И Сок заметил его, и затем перевёл удивлённый взгляд на Сон Джэ.

- Всё в порядке? - усмехнулся Сон Джэ. - Она совсем сошла с ума. Метила в живот, но директор Ча закрылся рукой, и нож всего лишь проткнул ладонь. Ты рад?

Густые брови Ча И Сока дёрнулись.

Яба, едва держась на ногах, сделал шаг. Не дав Ча И Соку заговорить, он кинулся вперед и отчаянно в него вцепился. От силы этого порыва, в котором заключался весь накопленный по пути сюда страх, Ча И Сок покачнулся. В голове гудело.

В панике Яба ощупывал его лицо, пытаясь понять, нет ли других ран, и не обманывают ли его, чтобы успокоить. Глаза Ча И Сока выражали бездну вопросов. Яба и сам себе их задавал, но у него не было душевных сил искать ответы. Он ненавидел себя за то, что не смог остановить Кокаина и позволил ему запеть. Ненавидел за неспособность побороть свою алчность, которая отравляла само желание жить.

Он гладил лицо Ча И Сока, обнимал за шею и прижимался всем телом, убеждаясь, что тот жив. Яба сокрушался вспоминая момент... там, в доме евнухов. Сирена мгновенно уловила его слабость, едва заметное колебание. Она не хотела упускать свой шанс. Эмоции переполняли Ябу. Он никак не мог прийти в себя.

«Прости... прости...прости...» - безмолвно шептал Яба, повиснув на шее Ча И Сока. Тот криво усмехнулся:

- Такой трюк не сработает.

Он крепко обнял Ябу, прижавшись к его груди своей. Нетерпеливая рука скользнула под рубашку и коснулась кожи.

- Почему ты дрожишь? - пробормотал он, запуская пальцы в волосы Ябы.

Но дрожь не утихала. Поглаживая и похлопывая Ябу по спине, он бросил взгляд на Сон Джэ:

- В горле пересохло.

Хан Сон Джэ раздражённо скривил губы. Не успел он и шагу ступить, как Яба выскочил из объятий Ча И Сока и стрелой помчался к кулеру.

«Кулер - рассадник бактерий» - решил Яба и побежал в аптеку за бутилированной водой.

Задыхаясь, он открутил крышку и протянул воду Ча И Соку.

Когда тот пил, несколько капель остались в уголках губ. Яба тут же натянул манжеты и с заботой, достойной хрупкого сокровища, их промокнул. Ча И Сок наблюдал за ним с любопытством.

Хан Сон Джэ сначала бросил неодобрительный взгляд, затем уставился на кровать напротив. Её скрывала штора, и разглядеть что за ней было невозможно.

- Мён Хвану уже сообщили, он скоро приедет. Я тебя прикрою, так что уходи. Если столкнёшься - скандала не избежать. Н-да-а.. Я-то считал его жену тихоней, а она оказывается с норовом. Деверя чуть на части не изрубила, потом сама - с разбега под машину. С ней шутки плохи. Похоже сейчас она в отключке, и слава богу. Завтра очнётся и умрёт от стыда. Такие роковые женщины - моя слабость. Если позовёт, я не смогу ей отказать.

Хан Сон Джэ пристально посмотрел на кузена.

- Но если серьёзно, в чём она виновата? Она ведь твоя жертва, а не преступница, что пыталась тебя убить.

- Она живет в мире, где слабость - это преступление.

Голос Ча И Сока звучал кроваво. И на лице отражалось то же самое – сытость чужой болью. Яба сжимал в руках бутылку, пытаясь понять их разговор.

Они обсуждали вину жены Мён Хвана, не подозревая, что та лишь попала под влияние Сирены. Именно она столкнула невестку с Ча И Соком.

Сегодня Сирена ограничилась предупреждением. Но в следующий раз, она доведет своё дело до конца. Теперь, Яба навсегда погасил в себе слабую надежду вернуть голос. И вырвал из сердца желание петь. Иначе его песня станет реквиемом для Ча И Сока.

* * *

Дело о нападении на младшего сына председателя Ча тихо прикрыли. Ча И Сок в эти дни работал на износ и возвращался под утро почти всегда пьяный до беспамьятства. Иногда его привозил Хан Сон Джэ, оправдывая, мол, «директор Ча налаживает контакты с важными людьми и заслуживает снисхождения».

Ча И Сок проснулся на удивление рано и сразу занялся завтраком, что казалось невероятным, ведь ещё вчера он был совершенно пьян. Но сегодня Яба твёрдо решил самостоятельно сварить ему суп от похмелья. Ча И Сок нарезал лук, когда Яба взял его за руку. Отвёл в спальню и уложил в постель. Запретив ему даже приближаться к кухне, Яба принялся варить суп из ростков сои.

Ча И Сок проявил звериную способность к регенерации, проколота ножом для колки льда ладонь зажила почти полностью всего за сутки. Но чувство вины в душе Ябы не ослабевало. Просто осталось с ним.

- Разве я учил тебя этому?

Пластиковая линейка угрожающе нависла над ним.

- Руку, – скомандовал Ча И Сок.

Яба спрятал обе руки за спину и сердито уставился исподлобья. Но тот настаивал.

- Руку.

Яба плотно сжал губы и повалился.

Всё началось ещё утром. В эти выходные Ча И Сок впервые за долгое время решил выступить в роли репетитора. Отобрал самые сложные задачи и оставил Ябу с ними наедине, уходя не забыв похвалить его за усердие в учёбе. Однако забыл забрать лист с ответами.

Это было не просто совпадение, а судьба. Именно в то занятие, когда задания оказались особенно сложными и когда Яба мучился над самой трудной из них, Ча И Сок отвлекся и вышел из комнаты. Что это, если не роковой замысел вселенной? Всё складывалось идеально, Яба просто покорила судьба, которая преподнесла ему лист с ответами. Он уже готов был расцеловать этот спасительный листок, как дверь снова открылась. Ча И Сок, будто зверь, унюхал неладное.

- Чем больше жулишь, тем больнее будет, - грозно сказал он, - давай сюда лапы, киска моя.

Яба подставил ему сообщение на экране:

[Ты сам виноват, так почему меня наказываешь?]

- Почему это я виноват?

[Листок с ответами забыл ты, а не я.]

Яба стёр текст и принялся за новый:

[Ты всё время меня перехваливал. Конечно я захотел ещё больше похвал, а сегодня все задания были мне не по силам. Если бы ты не оставил ответы, я бы на них и не посмотрел. Ты ввёл меня в искушение]

Ча И Сок прищурился. Яба, избегая его взгляда, нервно теребил уголок тетради. Всю жизнь он не слышал искренней похвалы, и теперь, столкнувшись с таким потоком одобрения, он растерялся - как принимать эти слова, как с ними справляться? То, что разум Ябы пришёл в смятение и он так поступил, было всецело на совести Ча И Сока. Тот ущипнул его за щеку:

- Хорошо, пусть я буду всему виной, ведь искушать тебя должен только я. Но правила никуда не делись.

Линейка снова блеснула в его руке. Яба напрягся от негодования и крепче сжал стилус:

[Правила, которые ты сам установил и меняешь когда захочешь. Сам их и соблюдай]

- Ты разве не знаешь, законы служат тому, кто их создаёт?

То, что интеллектуалу уровня Ябы предстоит стать учеником такого варвара, изначально было абсурдом. Свои обширные познания законов бытия, несравнимые с какими-то формулами и английской ерундой, он постиг уже в 14 лет. Если разобраться, то именно Ча И Соку стоило бы поучиться у него, в том числе и человеческим качествам. Яба отшвырнул учебник подальше.

- Принеси книгу, - сказал низкий голос.

[Спасибо, но нет]

- Ты сам дал согласие.

[Вырванное под давлением]

- Я предложил -ты согласился. Поднимай. - прозвучало как приговор.

Яба сильнее сжал губы и смотрел на него, не мигая. Тяжелый взгляд Ча И Сока не предполагал компромиссов. Голос стал ещё ниже:

- Книгу.

Яба покусывал свои безвинные губы, поглядывая на валявшийся в углу учебник. Он подождал ещё несколько секунд, не сводя глаз со своего мучителя. Тот оставался непоколебимым. Тогда Яба принёс учебник и усевшись, хлопнул его к себе на колени.

[Я её выброшу]

Взгляд Ча И Сока налился сталью.

- Попробуй. Посмотришь, что будет.

Яба вскочил с места и рванулся из комнаты. Топот преследовал его по пятам. По спине пробежала дрожь. Ча И Сок обхватил его за талию и впился зубами в шею. Ябу обдало вязким как патока голосом.

- Я подрежу тебе коготки. Сразу полегчает.

И Сок потянул Ябу в спальню и усадил на кровать. Достал из ящика маникюрные щипчики, аккуратно расстелил салфетки. Сел, подогнув, под себя ногу. Матрас мягко принял форму тела. Затем И Сок подтянул к себе лодыжку Ябы и начал свой ритуал.

Тихое клацанье навевало тоску. Яба хотел сдать экзамен с первого раза, и тем самым отплатить Ча И Соку за его старания.

Насупившись он нежно положил голову на колено И Сока, тот слегка укусил его за нос. Волосы защекотали щеку. Когда с ногтями было покончено, И Сок перешёл к массажу ступней. Как он и говорил, настроение улучшилось.

- Кажется, температура поднялась.

Наступило утро. Ча И Сок лизнул лоб Ябы. Того действительно знобило прошлым вечером и держался лёгкий жар.

Яба решил, что долго пробыл у евнухов и заразился. Даже после жаропонижающего температура не спадала. Распластавшись на ковре, Яба бездумно выводил каракули на полях учебной тетради. То ли из-за температуры, то ли из-за чего-то другого, но сосредоточиться не получалось.

Сегодня от Ча И Сока исходила странная энергия.

Он, как обычно, проснулся первым, приготовил завтрак, помыл посуду, влез в душ, когда Яба мылся, надел костюм и ушёл на работу. Всё было как в любой другой день, но всё же немного иначе.

Ситуацию прояснил Сон Джэ несколько дней спустя.

<http://bllate.org/book/14585/1293847>